

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 1

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №1

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

**Publishing house
of Altai State University
2025**

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 1

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

Федорук О.А., Федорук А.С., Папин Д.В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-14 (материалы раскопок 2020 г.)	7
Шишкина О.О., Советова О.С., Сирюкин И.В. «Поздние» изображения на курганных камнях тагарского могильника у горы Тепсей	29
Власкина Т.Ю. К изучению погребальной обрядности донских казаков: оформление могилы необработанными камнями и связанные с ними представления	47

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Содномпилова М.М. Огонь в информационном пространстве тюрко-монгольских народов Сибири	70
Степанова О.Б., Караваяев Э.Ф. Представления о времени в традиционном мировоззрении селькупов	86
Юша Ж.М. Защита жизни ребенка в обрядах и верованиях тувинцев России, Китая, Монголии: традиция и современность	100

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Моради М. Астральная и мистерическая символика в зороастризме	113
Актамов И.Г., Бадмацыренов Т.Б., Цэцэнбилэг Ц. Буддизм и постсекулярное общество: социорелигиозные процессы в Монголии конце XX — начале XXI в.	137
Дударенок С.М. Религиозный ландшафт Хабаровского края в 1990-е гг.: особенности формирования и тенденции развития	151
Маркова Н.М., Аринин Е.И., Кузнецова Л.Э. Комплаенс, религионимы и конфессионимы до религий и конфессий: вызовы академическому религиоведению	170
Мусаев В.И. Польско-литовские противоречия в католических общинах в России в начале XX в.	193
Юрганова И.И. О христианизации чукчей на страницах «Якутских епархиальных ведомостей»	210
Дашковский П.К., Траудт Е.А. Православные общины Бурятской АССР в условиях изменения советской вероисповедной политики во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг.	227

ДЛЯ АВТОРОВ	256
-------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 1

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Fedoruk O.A., Fedoruk A.S., Papin D.V.</i> Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations).....	7
<i>Shishkina O.O., Sovetova O.S., Siryukin I.V.</i> “Late” images on the burial stones of the Tagar burial ground near Mount Tepsey.....	29
<i>Vlaskina T.Yu.</i> The funeral rite of the Don Cossacks: raw headstones and related concepts	47

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sodnompilova M.M.</i> Fire in the media scene of the Turkic and Mongolic peoples of Siberia	70
<i>Stepanova O.B., [Karavaev E.F.]</i> Ideas of time in the traditional worldview of the selkups	86
<i>Yusha Zh.M.</i> Child protection in the rituals and beliefs of Tuvans Russia, China, and Mongolia: tradition and modernity.....	100

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Moradi M.</i> Celestial and mystical symbolism in zoroastrianism	113
<i>Aktamov I.G., Badmatsyrenov T.B., Tsetsenbileg Ts.</i> Buddhism and post-secular society: socio-religious processes in Mongolia in the late 20th and early 21st centuries ...	137
<i>Dudarenok S.M.</i> The Religious Landscape of the Khabarovsk Region in the 1990s: Features of Formation and Development Trends	151
<i>Markova N.M., Arinin E.I., Kuznetsova L.E.</i> Compliance, Religion names and Confessional names before Religions and Confessions: Challenges to Academic Religious Studies.....	170
<i>Musaev V.I.</i> Differences between the Poles and the Lithuanians in the Roman-Catholic Communities in Russia in the early Twentieth Century.....	193
<i>Yurganova I.I.</i> The Christianization of the Chukchi within the context of the <i>Yakut Diocese Gazette</i>	210
<i>Dashkovskiy P.K., Traudt E.A.</i> Orthodox communities of the Buryat ASSR in the context of changes in Soviet religious policy in the second half of the 1980s and early 1990s.	227

FOR AUTHORS	256
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 903.59

DOI 10.14258/nneur(2025)1–01

О. А. Федорук

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

А. С. Федорук, Д. В. Папин

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения

Российской академии наук, Барнаул (Россия)

АНДРОНОВСКИЙ (ФЕДОРОВСКИЙ) КОМПЛЕКС МОГИЛЬНИКА ФИРСОВО-XIV (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2020 Г.)

Статья посвящена введению в научный оборот и интерпретации материалов андроновской (федоровской) культуры, полученных в ходе раскопок 2020 г. могильника Фирсово-XIV, находящегося в Первомайском районе Алтайского края, недалеко от с. Фирсово. В результате полевых работ удалось изучить 10 захоронений эпохи развитой бронзы, содержащих останки 13 индивидов: три погребения были парными, остальные одиночные. Пять захоронений содержали останки детей, четыре погребения — взрослых индивидов, в одном погребении были захоронены женщина и ребенок. Кроме того, в межмогильном пространстве было обнаружено несколько отдельно стоящих сосудов, также относящихся к андроновскому комплексу.

Полученные материалы в целом демонстрируют однородность погребального обряда андроновского населения, оставившего данный памятник. Исследованные в 2020 г. могилы продолжают цепочки ранее изученных погребений. Способы погребения, позы умерших, а также погребальный инвентарь типичны для андроновской культуры.

Исследование новых захоронений позволило более детально изучить некоторые элементы и дополнить имеющиеся сведения о погребальном обряде андроновского населения Барнаульского Приобья. Дальнейшее полевое исследование памятника остается крайне перспективным для получения целостного представления о материальной

культуре и мировоззрении древнего населения, а также в связи с опасностью дальнейшего разрушения памятника вследствие активного хозяйственного освоения близлежащих территорий.

Ключевые слова: андроновская (федоровская) культура, украшения, костюм, погребальный обряд, степной и лесостепной Алтай.

Для цитирования:

Федорук О. А., Федорук А. С., Папин Д. В. Андроновский (федоровский) комплекс могильника Фирсово-XIV (материалы раскопок 2020 г.) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 1. С. 7–28. DOI 10.14258/nreur(2025)1–01.

O. A. Fedoruk

Altai State University, Barnaul (Russia)

A. S. Fedoruk, D. V. Papin

Altai State University, Barnaul (Russia); Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Barnaul, (Russia)

ANDRONOVO (FEDOROVO) COMPLEX OF THE FIRSOVO-XIV BURIAL GROUND (MATERIALS OF THE 2020 EXCAVATIONS)

The article presents a scholarly examination of the integration of materials from the Andronovo (Fedorovo) culture into academic discourse, particularly those uncovered during the 2020 excavations at the Firsovo-XIV burial ground in the Pervomaysky district of Altai krai, adjacent to the village of Firsovo. The fieldwork encompassed the analysis of 10 burials from the developed Bronze Age, revealing the remains of 13 individuals, which included three paired burials and seven single burials. Notably, five of these burials contained the remains of children, while four were of adults, and one burial featured both a woman and a child. Furthermore, several free-standing vessels associated with the Andronovo complex were identified in the inter-grave spaces.

The findings underscore a significant homogeneity in the burial practices of the Andronovo population represented at this site. The graves examined in 2020 contribute to the continuum of previously studied burials, demonstrating consistent burial methods, postures of the deceased, and burial inventories that are characteristic of the Andronovo culture. The analysis of these new burials facilitates a more nuanced understanding of specific elements, thereby enhancing the existing body of knowledge regarding the burial rites of the Andronovo population in the Barnaul Ob region. Ongoing field research at this site presents substantial

potential for achieving a comprehensive understanding of the material culture and worldview of the ancient inhabitants, particularly in light of the threats posed by ongoing economic development in the surrounding areas, which may result in further degradation of the site.

Keywords: Andronovo (Fedorovo) culture, jewelry, costume, funeral rite, steppe and forest-steppe Altai.

For citation:

Fedoruk O. A., Fedoruk A. S., Papin D. V. Andronovo (fedorovo) complex of the Firsovo-XIV burial ground (materials of the 2020 excavations). Nations and religions of Eurasia. 2025. Vol. 30. No 1. P. 7–28 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)1–01.

Федорук Ольга Александровна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая, доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** papin@mc.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Olga Aleksandrovna Fedoruk, Candidate of Historical Sciences, junior researcher of the Laboratory for interdisciplinary study of the Archeology of Western Siberia and Altai, dotsent kafedry regionovedeniya Rossii, natsional'nykh i gosudarstvenno-konfessional'nykh otnosheniy Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** olunka.p@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1861-6781>

Alexander Sergeevich Fedoruk, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for interdisciplinary study of the Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul (Russia); Researcher, Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul (Russia). **Contact address:** fedorukas@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Dmitry V. Papin, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory for interdisciplinary study of the Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul (Russia); Head of the Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Barnaul (Russia). Contact address: papin@mc.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2010-909>

Введение

Среди археологических памятников Западной Сибири грунтовый могильник Фирсово 14 является одним из наиболее полно исследованных некрополей андроновской культуры, но, к сожалению, большая часть материалов полноценно не опубликована, а часть полевой документации на сегодняшний день утеряна. Несмотря на это, полученные данные постоянно вводились в научный оборот, использовались при подготовке кандидатских диссертаций Ю. И. Михайлова [2001], И. В. Рудковского [2003], О. А. Федорук [2013], Я. В. Фролова [2004]. Антропологические материалы стали предметом самостоятельного рассмотрения, что позволило исследователям сделать ряд важных выводов относительно возможных источников миграции населения, а также образа жизни андроновцев Алтая [Солодовников, 1997; 2013; Тур, Рыкун, 2008; Тур, 2009; Кирюшин и др., 2015]. Ведутся работы по палеогенетическому изучению материалов андроновской культуры [Пилипенко, Папин, 2019; Трапезов и др., 2020], также в последние годы была получена серия радиоуглеродных дат [Папин, 2020].

Памятник был открыт в 1983 г. сотрудниками Лаборатории археологии Алтайского государственного университета В. Б. Бородаевым и А. А. Кунгуровым в ходе обследования окрестностей с. Фирсово. С 1987 по 1996 г. он изучался Приобской археологической экспедицией АлтГУ под руководством А. Б. Шамшина. За указанный период было исследовано более 4500 кв. м площади аварийной части могильника, на которой удалось обнаружить и изучить более 340 погребений различных эпох [Шамшин, 1992; 1995; Шамшин, Ченских, 1994; Фролов, Шамшин, 1999; Шамшин, Цивцина, 2000; Фролов, 2008]. Большая часть изученных погребений относится к эпохам развитой бронзы — раннего железного века [Шамшин, 2007: 78].

В 2010–2011 гг. исследования памятника были продолжены экспедицией АлтГУ под руководством А. С. Федорука. За два года было исследовано 44 погребения, относящиеся к периодам развитого бронзового и раннего железного веков, а также ряд других объектов. Все полученные материалы были опубликованы в монографии [Кирюшин и др., 2015].

В 2020 г. совместной археологической экспедицией АлтГУ и Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования грунтового могильника Фирсово-XIV. Целью полевых исследований являлось продолжение изучения могильного поля в северо-восточном направлении, а также предотвращение дальнейшего разрушения участка памятника, пострадавшего от воздействия тяжелой техники. В ходе работ был раскопан участок площадью 178,25 кв. м, изучено 15 захоронений: 10 погребений датируется периодом развитого бронзово-

го века (андроновская археологическая культура), четыре — ранним этапом железного века (староалейская культура), датировка еще одного захоронения (№ 1) затруднительна (рис. 1). Кроме того, верхние слои участка содержали немногочисленные фрагменты керамики периода раннего железного века.

Целью данной работы является введение в научный оборот результатов изучения материалов андроновского комплекса.

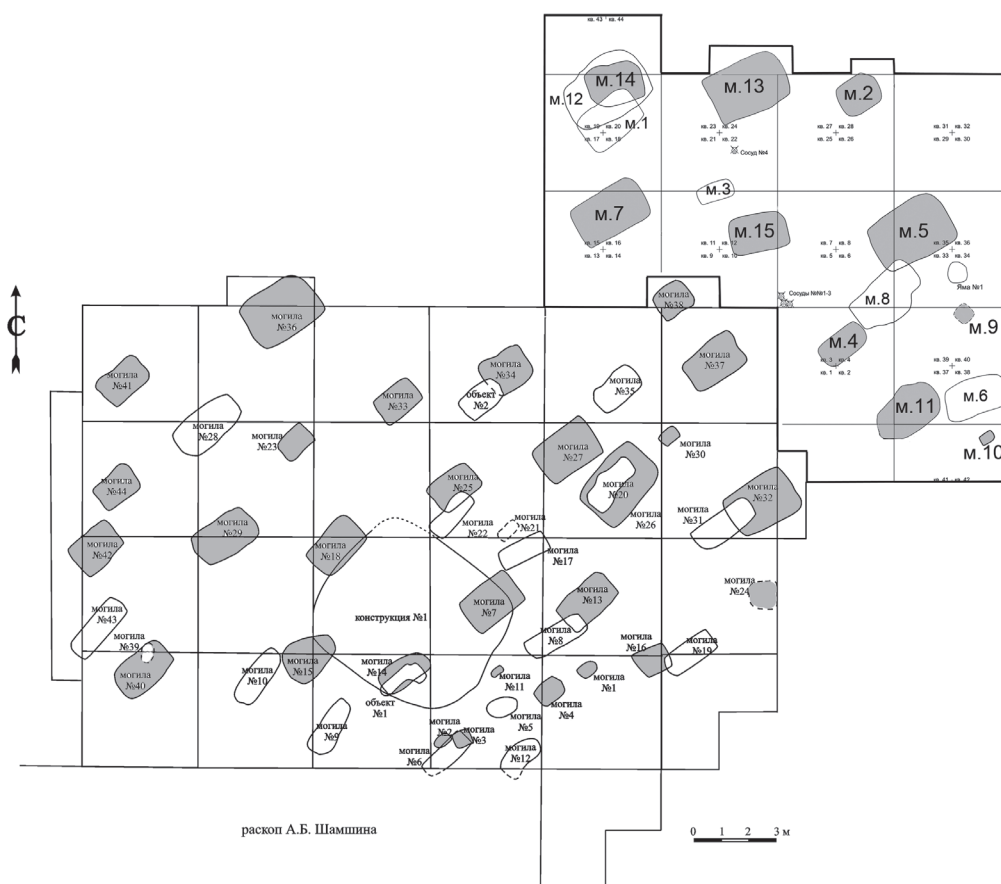

Рис. 1. Фирсово-XIV. Сводный план раскопа 2020 г и 2010–2011 гг.

Fig 1. Firsovo-XIV. Graves Grave grave graves Grave Grave 1. Consolidated excavation plan for 2020 and 2010–2011

Рис. 2. Захоронения взрослых индивидов (1 — могила № 7; 2 — могила № 5; 3 — могила № 13; 4 — могила № 11)

Fig. 2. Burials of adult individuals (1 — grave No. 7; 2 — grave No5; 3 — grave No 13; 4 — grave No11)

Полученные материалы

К андроновской археологической культуре по особенностям погребального обряда и инвентарю отнесено 10 захоронений, а также несколько отдельно стоящих сосудов, обнаруженных в межмогильном пространстве.

Могила № 2. Могильная яма подпрямоугольной формы, со скругленными углами размерами 1,4х0,93 м (рис. 3.-3). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины 0,88 м. Ранее, на глубине 0,85 м, обнаружен тлен от фрагментов деревянной обкладки. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине одного метра. В могиле найдены остатки деревянного перекрытия и обкладки в виде древесного тлена. Размер обкладки 0,75х0,98, ширина плах — 0,15–0,2 м.

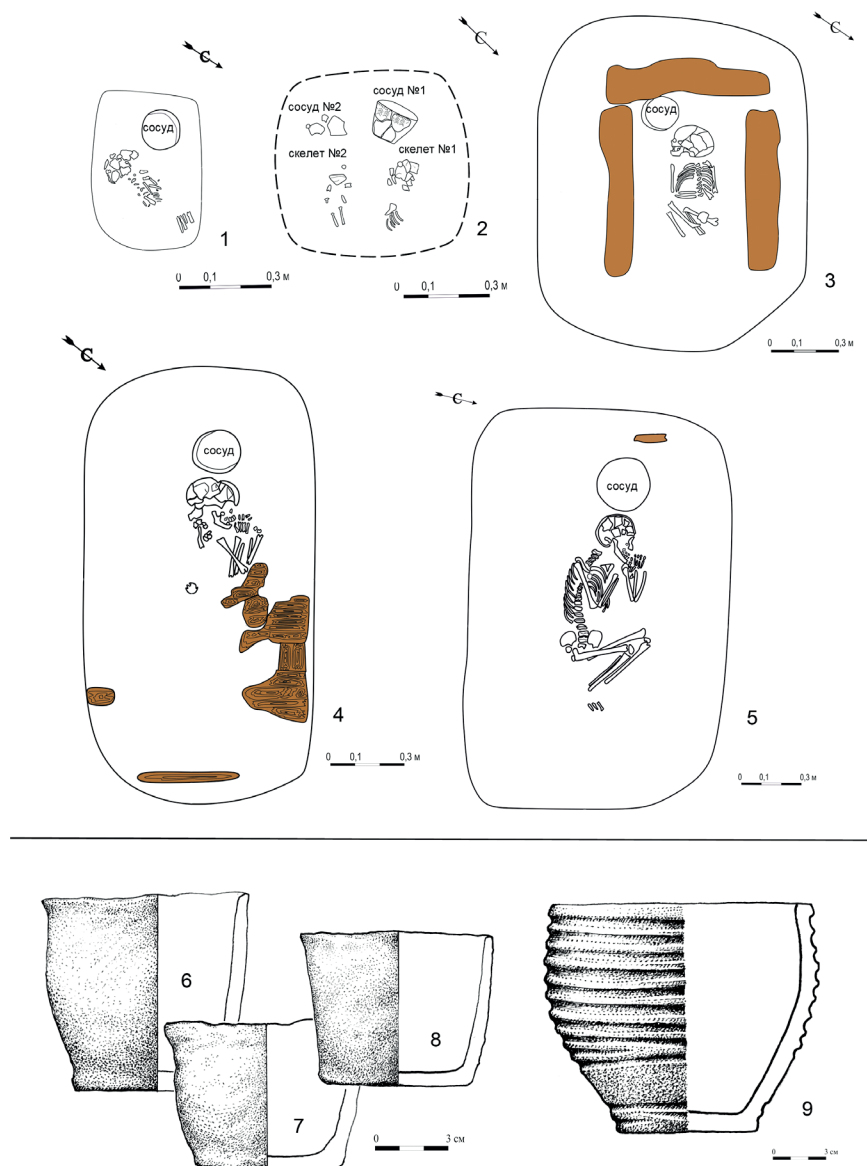

Рис. 3. Захоронения детей (11 – могила № 10; 2 – могила № 9; 3 – могила № 2; 4 – могила № 4; 5 – могила № 15) и сосуды из межмогильного пространства (6–8 – кв. № 5; 9 – кв. № 22)

Fig. 3. Burials of children (11 – grave No. 10; 2 – grave No. 9; 3 – grave No. 2; 4 – grave No. 4; 5 – grave No. 15) and vessels from the inter-grave space (6–8; square No. 5; 9 – square No. 22)

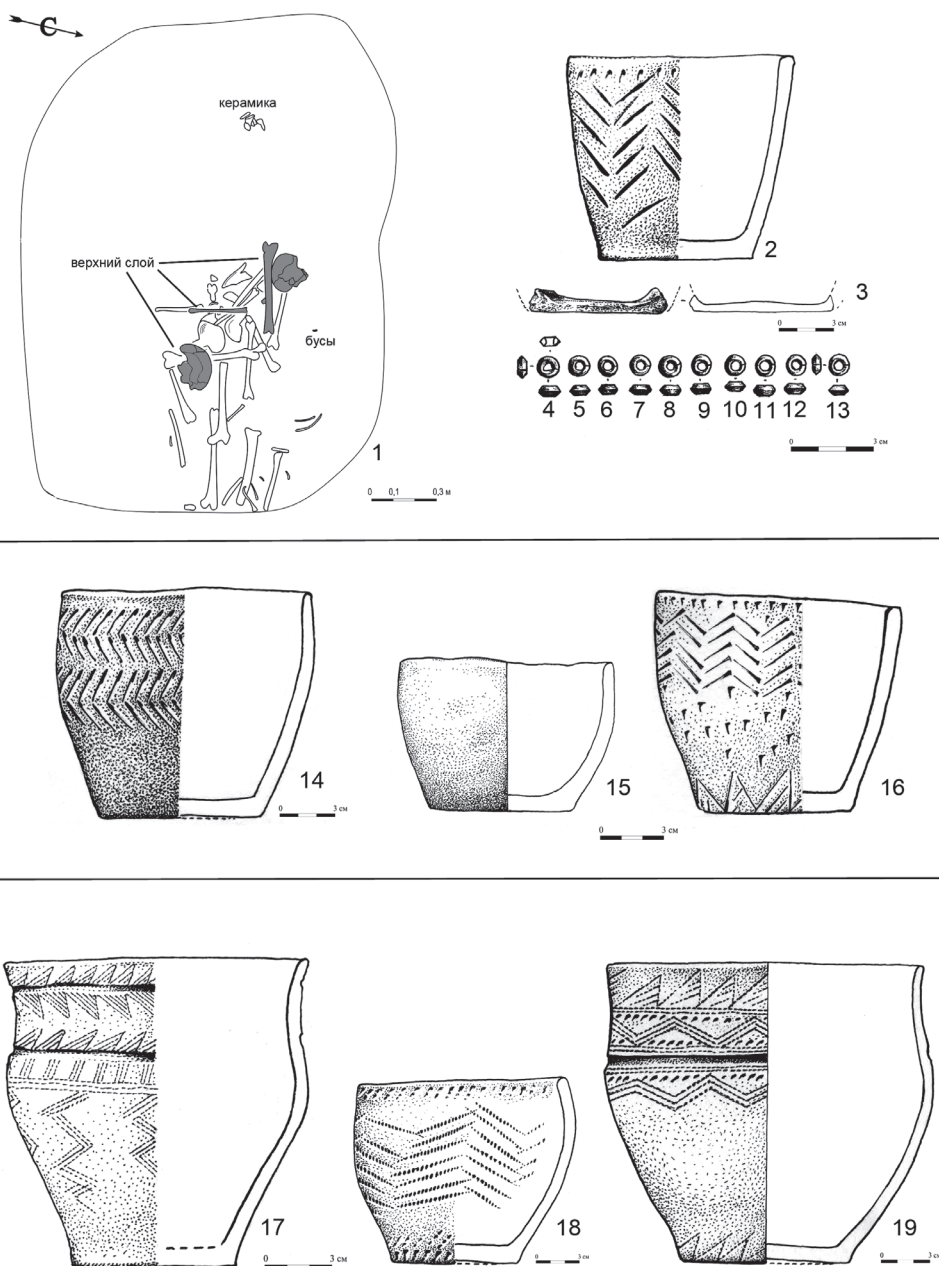

Рис. 4. Разрушенное парное захоронение взрослых индивидов (№ 14) и инвентарь из него (1–3), сосуды из детских захоронений (14 – могила № 2; 15–6 – могила № 9; 17 – могила № 10; 18 – могила № 4; 19 – могила № 15)

Fig. 4. The destroyed paired burial of adults (No. 14) and the inventory from it (1–3); grave grave grave graves (14 – grave No. 2, 15–16 – grave No. 9; 17 grave No. 10; 18 – grave No. 4; 19 – grave No. 15)

Захоронение содержало останки одного погребенного — ребенка в возрасте одного-двух лет (все антропологические определения костных останков из изученных в 2020 г. могил выполнены к. и. н., зав. кабинетом антропологии Музея археологии и этнографии Алтая С. С. Тур). Скелет располагался в центральной части ямы. Положение — скорченно на правом боку, головой на юго-запад. В 0,05 м к югу от черепа был установлен сосуд баночной формы (рис. 4.-14).

Могила № 4. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 1,76х0,95 м (рис. 3.-4). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины 0,87 м. Дно могильной ямы достигало глубины 1,31 м. В заполнении могилы зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде тлена от поперечных плах, а также тлен от обкладки.

Захоронение содержало останки одного погребенного (ребенка 4,5–5,5 лет). Скелет располагался по центру могильной ямы, сохранность костей плохая. Кости позвоночника и ребра отсутствовали. От тазовых костей сохранился небольшой фрагмент. Судя по зафиксированным *in situ* костям рук и ног, а также положению черепа, умерший был уложен скорченно, на левом боку. Скелет ориентирован головой на юго-запад. В 0,05 м к юго-западу от черепа погребенного находился орнаментированный сосуд (рис. 4.-18).

Могила № 5. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,8х2,02 м (рис. 2.-2). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины 0,63 м. Южный угол на верхнем уровне частично перекрыт могилой раннего железного века (№ 8). Дно могильной ямы достигало глубины 1,8 м. По периметру могильной ямы зафиксированы остатки деревянного тлена от перекрытия в виде поперечных плах, а также обкладки.

Захоронение содержало останки одного погребенного (мужчина 30–40 лет). Скелет располагался ближе к северо-западной стенке. Положение — скорченно, на правом боку. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Кости стоп отсутствовали. В северном углу могилы обнаружена кость лопатки скелета, у юго-западной стенки — фаланги пальцев. Ближе к южному углу могилы находилось два сосуда. Сосуд № 1 — орнаментированный горшок — был установлен вертикально. Сосуд № 2 (орнаментированная банка) обнаружен во фрагментированном состоянии (рис. 5.-13, 14).

Могила № 7. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,8х2,02 м (рис. 2.-1). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины одного метра. Дно могильной ямы достигало глубины 2,2 м. В заполнении могилы зафиксированы остатки деревянного перекрытия в виде небольших участков тлена от поперечных плах, а также истлевшие остатки деревянной рамы в виде фрагментов бревен шириной 10–20 см. Размер рамы — 2,65х0,8 м.

Захоронение содержало останки двух погребенных (женщина 35–45 лет и ребенок 0,5–1 года). Женский скелет располагался ближе к юго-восточной стенке рамы, скорченно, на левом боку. Сразу за спиной женщины вплотную к раме, скорченно, на левом боку, был уложен ребенок. Сохранность детского скелета плохая, кости ног отсутствовали. Оба скелета ориентированы головой на юго-запад. За головами погребенных, в 0,1 м от детского черепа и в 0,2 м от взрослого, стояли два орнаментированных баночных сосуда. Развал еще одного орнаментированного сосуда (№ 1) горшеч-

ной формы располагался на той же линии, ближе к западному углу могилы (рис. 5.-1–3). Под черепом скелета № 1 обнаружено шесть фрагментов от бронзовых подвесок в полтора оборота (рис. 5.-4–9).

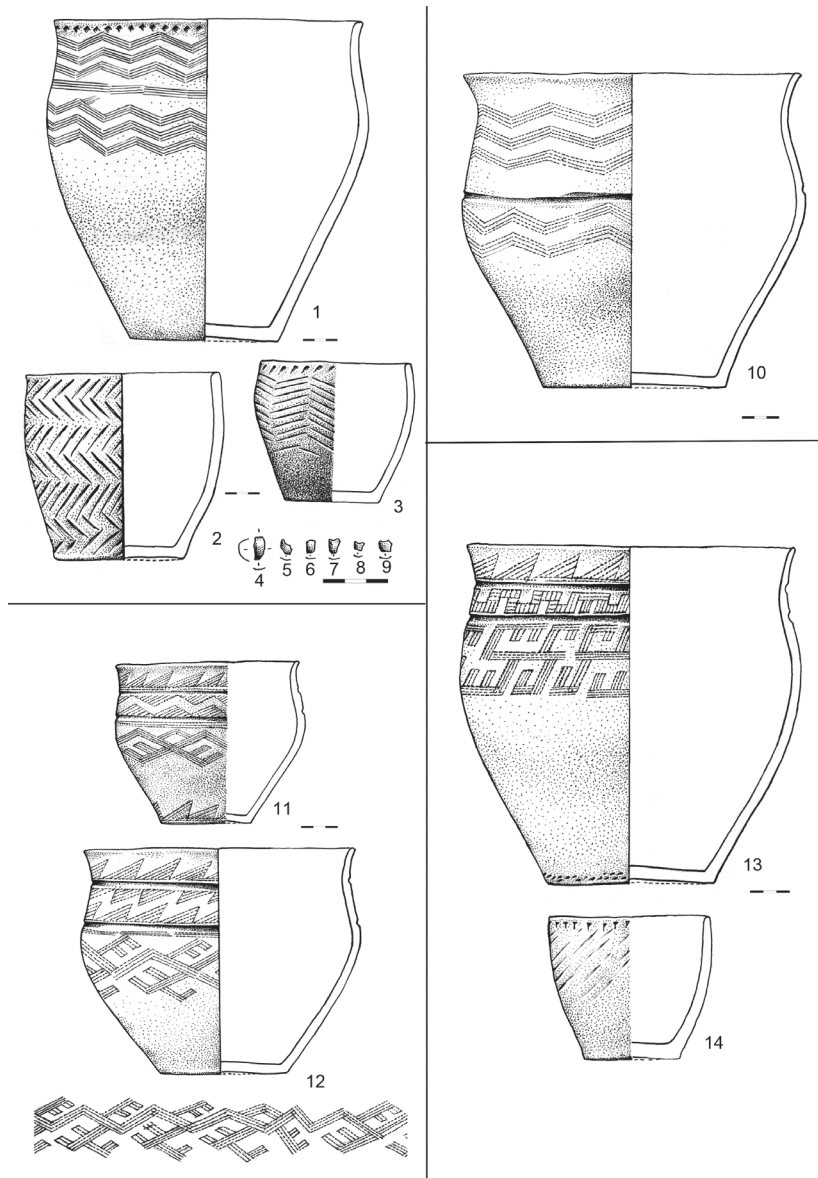

Рис. 5. Сосуды и инвентарь из захоронений взрослых индивидов (1–9 – могила № 7;
10 – могила № 13; 11–12 – могила № 11; 13–14 – могила № 5)

Fig. 5. Graves Grave graves Graves 5. Vessels and equipment from the graves of adult individuals
(1–9 – grave No. 7; 10 – grave No. 13; 11–12- grave No 11; 13–14 – grave No 5)

Могила № 9. Пятно могильной ямы не фиксировалось. Первоначально на глубине 0,74 м был обнаружен развал сосуда (сосуд № 2). Контур и глубина могильной ямы определены условно, исходя из глубины и зоны распространения костей скелетов и сосудов. Дно могилы зафиксировано на глубине 0,85 м (рис. 3.-2).

В 0,05 м к юго-востоку от сосуда № 2 на глубине 0,75 м стоял сосуд № 1 (орнаментированный, баночной формы) (рис. 4.-16). В 0,1 м к северо-востоку от сосуда № 1, на глубине 0,79 м, обнаружен скелет № 1 (новорожденный младенец). В 0,1 м к северо-востоку от развала сосуда № 2 (рис. 4.-15), на глубине 0,79 м, обнаружен скелет № 2 (новорожденный младенец). Сохранность костей обоих скелетов плохая. Судя по сохранившимся фрагментам черепов и костей грудного отдела, погребенные лежали скорченно, на левом боку, головой на юго-запад.

Могила № 10. На глубине 0,5 м был обнаружен вертикально установленный сосуд горшечной формы. Четко контур погребения определен на глубине 0,6 м. Могильное пятно имело подпрямоугольную в плане форму и размеры 0,5х0,4 м (рис. 3.-1). Могильная яма ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Дно погребения зафиксировано на глубине 0,66 м.

Погребение содержало останки одного погребенного (новорожденный младенец). Сохранность костей плохая. Умерший был уложен скорченно, на левом боку, головой на юг. Сосуд был установлен в 0,05 м к западу от черепа, перед лицом погребенного (рис. 4.-17).

Могила № 11. Могильная яма подовальной формы, размерами 2,5х1,6 м (рис. 2.-4). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины 1,05 м. Дно могильной ямы достигало глубины 1,51 м.

Захоронение содержало останки одного погребенного (мужчина 40–50 лет). Скелет располагался ближе к юго-восточной стенке могильной ямы. Сохранность костей удовлетворительная. Положение погребенного — скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Малоберцовая кость левой ноги оказалась смещена к юго-восточной стенке могилы. Кости стоп были также частично смещены. В 0,35 м к западу от черепа было установлено два орнаментированных сосуда горшечных форм (рис. 5.-11, 12).

Могила № 13. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2,7х1,9 м (рис. 2.-3). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Пятно фиксировалось с глубины 1,08 м. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 2,02 м. В заполнении могильной ямы по ее периметру зафиксированы остатки обгоревшей деревянной рамы и поперечного перекрытия. Размер рамы — 2,3х1,55 м.

Захоронение содержало останки одного индивида (женщина 30–40 лет). Скелет располагался ближе к юго-восточной стенке рамы. Сохранность костей удовлетворительная. Положение погребенного — скорченно, на левом боку. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Ближе к южному углу погребения, напротив черепа, под деревянной обкладкой был установлен орнаментированный сосуд горшечной формы (рис. 5.-10). В 0,3 м к северо-западу от сосуда, также под обкладкой, обнаружена кость (ребро) животного.

Могила № 14. Могильное пятно обнаружено после зачистки дна могилы № 12 (староалейской культуры), на глубине 1,1 м. Пятно неправильной в плане формы (ближе

к подпрямоугольной) достигало размеров 2,18х15,5 м (рис. 4.-1). Ориентирована могила длинной стороной по линии юго-запад-северо-восток. Заполнение могилы — серо-желтый суглинок. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,7 м.

Могила разрушена, вероятно, при сооружении расположенной над ней могилы раннего железного века. Погребение содержало останки двух индивидов (мужчина 20–25 лет, женщина 18–20 лет), кости которых были хаотично свалены в могильную яму. В заполнении могилы на разной глубине были обнаружены бедренная кость одного из погребенных, ребро, два черепа и малая берцовая кость. Ближе ко дну, на глубине 1,56–1,6 м у юго-западной стенки обнаружено скопление человеческих костей (в основном кости рук и ног). Рядом с костями, на дне могильной ямы найдено 10 бронзовых бусин, которые, вероятно, были нанизаны на нить. Бусины округлой формы, литые (в сечении биконические), диаметром по 0,6–0,7 см, шириной по 0,4 см с отверстием в центральной части диаметром по 0,4 см (рис. 4.-4–13). В западной части могилы, практически на дне могильной ямы, обнаружено скопление фрагментов керамики. В результате реставрации был восстановлен один керамический сосуд (рис. 4.-2). Кроме того, в скоплении обнаружено неорнаментированное днище еще одного сосуда (рис. 4.-3).

Могила № 15. Могильная яма подпрямоугольной формы, размерами 2х1,3 м (рис. 3.-5). Ориентирована длинной стороной по линии юго-запад-запад — северо-восток-восток. Пятно фиксировалось с глубины 0,9 м. Дно могильной ямы зафиксировано на глубине 1,5 м. В западной части могилы, практически на ее дне, выявлен участок древесного тлена, предположительно от рамы. Фрагмент древесного тлена также зафиксирован поверх установленного в могилу керамического сосуда, что позволяет предполагать наличие и поперечного перекрытия. Захоронение содержало останки одного погребенного (ребенок 8–10 лет). Скелет располагался по центру могильной ямы, скорченно, на левом боку, ориентирован головой на юго-запад-запад. За черепом был установлен орнаментированный сосуд (рис. 4.-19).

Помимо могил, на площади раскопа также было обнаружено несколько отдельно стоящих сосудов, с большой долей вероятности относящихся к андроновскому комплексу. В юго-западном углу квадрата № 5 на глубине 0,7–0,72 м обнаружены три неорнаментированных сосуда открытых баночных форм (рис. 3.-6–8). Два из них стояли рядом друг с другом, третий — в 20 см от них. Вокруг сосудов могильного пятна не выявлено, костей не обнаружено, что позволило зафиксировать данные сосуды как отдельно стоящие.

В центральной части квадрата № 22, недалеко от могилы № 13, на глубине 0,7 м (верхний край) обнаружен еще один вертикально стоящий орнаментированный сосуд закрытого баночного типа (рис. 3.-9). Могильного пятна не выявлено, костей не обнаружено.

Обсуждение результатов

Таким образом, в 2020 г. было исследовано 10 захоронений эпохи развитой бронзы, содержащих останки 13 индивидов: три погребения (в том числе одно разрушенное) были парными, остальные одиночные. Пять захоронений содержали останки детей (в том числе одно парное детское захоронение), четыре погребения — взрослых

индивидов, в одном погребении были захоронены женщина и ребенок. В одном разрушенном захоронении взрослых обнаружены останки мужчины и женщины.

Могила была вытянута по линии юго-запад-северо-восток и в целом продолжала ряды уже исследованных ранее погребений, при этом они находились довольно близко друг к другу и не образовывали отдельных цепочек. Захоронения детей находились между захоронениями взрослых (см. рис. 1).

Могиленные ямы в большинстве случаев имели подпрямоугольную форму, в одном случае могила имела подовальную форму, еще в одном случае контур зафиксировать не удалось. Размеры могил в целом соответствовали возрасту и количеству погребенных, детские погребения имели меньшие размеры, чем захоронения взрослых. Глубина могил варьировалась от 0,66 до 2,2 м. Детские захоронения имели глубину 0,66–1,5 м. Захоронения взрослых имели глубину от 1,5 до 2,2 м, при этом самым глубоким оказалось захоронение женщины с ребенком.

В шести погребениях зафиксированы остатки деревянных конструкций (представлены рамой/обкладкой и поперечным перекрытием): в трех могилах были погребены дети, в одном — женщина и ребенок, одно погребение было мужским, одно — женским. Каких-либо особенностей в конструкции деревянных обкладок и перекрытий не прослежено, однако при расчистке могилы № 13 было выявлено, что сосуд располагался частично под деревянной обкладкой, а частично выходил за ее пределы, что позволяет предположить, что бревна обкладки в данном случае укладывались после помещения сосуда в могилу. В этом месте юго-западная стенка могилы была несколько расширена книзу, вероятно, для того, чтобы свободно поместить туда бревна обкладки. Также в данном погребении деревянные конструкции были довольно сильно обуглены, а почва вокруг прокалена. Следовательно, после помещения в обкладки и перекрытия в могилу они были подожжены и засыпаны грунтом.

В большинстве погребений умершие были уложены традиционно для погребального обряда андроновского населения Алтая: скорченно, на левом боку, головой в юго-западный сектор. В одном погребении ребенок был уложен головой на юг. В двух могилах погребенные лежали скорченно на правом боку, в обоих случаях это были мужчины в возрасте 30–40 лет. Интересно также отметить, что в трех погребениях скелеты располагались не по центру могилы, а оказались сдвинуты к краю. В могиле № 11 скелет мужчины, лежащий на правом боку, находился ближе к юго-восточной стенке. В могиле № 13 скелет женщины, уложенный на левом боку, был расположен у юго-восточной стенки. Скелет мужчины, лежащего на правом боку, в погребении № 5 располагался ближе к северо-западной стенке. Случаи расположения умерших не по центру, а ближе к краю могилы были зафиксированы и в других погребениях памятника, изученных ранее [Киришин и др., 2015, с. 21]. Размеры данных могил близки к параметрам парных захоронений. Учитывая высокую концентрацию совместных захоронений в северо-восточной части некрополя, а также установленные случаи более поздних подхоронений во взрослые могилы, можно предположить, что подобные погребения изначально планировались как парные.

В нескольких случаях удалось проследить некоторые особенности позы погребенных: так, в могиле № 15 кисть правой руки ребенка была подложена под плечевую

часть левой руки (рис. 3.-5), а в могиле № 13 ноги женщины были переплетены, а пальцы рук, вероятнее всего, сложены в «замок» и придвинуты вплотную к лицу (рис. 2.-3).

Кроме того, в некоторых погребениях зафиксированы небольшие нарушения анатомического порядка скелета или отсутствие части костей. Данные случаи могли быть связаны как с плохой сохранностью костного материала и воздействием грызунов, так и с направленными ритуальными действиями, совершаемыми с телами по прошествии определенного времени. Поскольку в данном случае следов более позднего проникновения в могилу не зафиксировано, мы не можем утверждать что-либо определенное.

Все могилы содержали инвентарь. В одиночных захоронениях детей было установлено по одному сосуду. В одном одиночном взрослом погребении (женщина) был установлен один сосуд, в двух (погребения мужчин) — по два сосуда. В разрушенном парном погребении взрослых обнаружены фрагменты от двух сосудов, в парном погребении детей — также было установлено два сосуда. В погребении женщины и ребенка найдено три сосуда. Сосуды располагались у юго-западной стенки могилы, за головами погребенных. В погребении № 10 сосуд был расположен перед лицом младенца.

В двух случаях в погребениях детей находились сосуды горшечной формы, в трех — баночной. В погребениях взрослых были установлены горшки или горшки в сочетании с банками, в погребении женщины и ребенка — горшок и два сосуда баночной формы.

Банки имели небольшие размеры и были украшены простыми мотивами типа «елочка», а также вдавлениями/отпечатками штампа/палочки. Один сосуд был не орнаментирован. Сосуды горшечных форм имели более сложную орнаментацию, состоящую из трех и более мотивов, встречаются такие мотивы как «зигзаг», меандры, ряды треугольников. Шесть сосудов (банки) были орнаментированы гладким штампом, восемь — гребенчатым, в том числе один сосуд орнаментирован в технике «проташенная гребенка».

Сосуды, обнаруженные в межмогильном пространстве, имели баночную форму и небольшие размеры. Три сосуда из кв. № 5 были не орнаментированы, сосуд из кв. № 22 был украшен от венчика до придонной части канелюрами (рис. 3.-6–9). Подобные отдельно стоящие сосуды довольно часто встречаются на андроновских некрополях. Как правило, это небольшие сосуды баночных форм с простой орнаментацией [Кирюшин и др., 2004; Уманский, 1999]. Вероятно, данные сосуды относились к поминальникам, но также можно предположить (учитывая небольшую глубину, на которой они располагались), что они могли быть связаны с захоронениями детей, чьи кости по ряду причин не сохранились.

Формы и орнаментация обнаруженных в 2020 г. сосудов характерны как для данного памятника, так и для алтайских андроновских материалов в целом. Несколько выделяется из общей массы сосуд из кв. № 22: орнаментация в виде сплошных рядов канелюр не характерна для данного памятника и в принципе на федоровской керамике встречается довольно редко. Аналогичный сосуд был найден на могильнике Подтурино в захоронении ребенка [Кирюшин, Лузин, 1993].

Украшения найдены в двух погребениях: в захоронении женщины и ребенка под черепом женщины были обнаружены фрагменты бронзовых подвесок в полтора оборота. К сожалению, из-за плохой сохранности невозможно установить их первоначаль-

ное количество. В разрушенном захоронении № 14 были обнаружены бронзовые биконические бусы. Данные виды украшений имели широкий ареал распространения и известны среди как алакульского, так и федоровского населения. Прочий инвентарь представлен лишь костью (ребром) животного, обнаруженной в могиле № 13 рядом с сосудом, которая представляла собой остатки поминальной пищи.

Из всех исследованных в 2020 г. захоронениях особое внимание, на наш взгляд, привлекает погребение № 13. Оно выделялось из основной массы сразу по нескольким параметрам: особенности позы погребенного (перекрещенные ноги), наличие мясной пищи, сожжение погребальной конструкции.

В целом население, оставившее данный могильник, довольно редко использовало огонь в погребальной практике. За все годы было исследовано лишь несколько погребений, содержащих кремнированные останки, но также встречались и погребения со следами разведения огня непосредственно в могильной яме/на перекрытии.

Так, могила № 295 Фирсово-XIV содержала большое количество углей и обгоревшего дерева, почва была прокалена по всей площади могилы. В заполнении могилы № 305 были обнаружены скопления углей, почва по краям могилы была прокалена. Погребение содержало лишь развал сосуда и фрагменты костей животных, человеческие останки отсутствовали. По мнению автора раскопок, в могиле была сооружена деревянная конструкция, которая потом была сожжена. Еще в нескольких погребениях были обнаружены угли. Возможно, разведение огня на погребальной конструкции было упрощенным аналогом обряда сожжения останков умершего и выполняло схожие функции.

Возможно, женщина, захороненная в могиле № 13, отличалась каким-то особым положением в обществе, выраженном в элементах погребального обряда. Кроме того, скелет женщины находился не по центру, а у юго-восточной стенки обкладки, что позволяет предположить, что погребение планировалось как парное.

Также особый интерес представляют парные захоронения. В 2020 г. было исследовано три таких захоронения: двух детей (младенцев), женщины с ребенком и погребение мужчины и женщины, которое, к сожалению, оказалось разрушено. В целом парные и коллективные погребения, по сравнению с другими памятниками региона, на Фирсове встречаются довольно часто: 11 и 2,5% соответственно (от всех исследованных на памятнике андроновских захоронений). Наиболее распространены были детские парные и коллективные (тройные) погребения (18), захоронения разнополой взрослой пары встречены в шести случаях, захоронения взрослого и ребенка в трех (?) случаях.

По мнению некоторых исследователей, парные захоронения детей, так же, как и захоронения взрослого и ребенка, являлись аналогами взрослых парных погребений, которые олицетворяли собой идею «священного брака», символизирующего божественный близнецный союз. Тройные захоронения при этом могли символизировать широко распространенный в индоевропейской мифологии триединый образ богини и двух близнецов [Сотникова, 2013: 47–48; Кукушкин, 2018: 90–92].

На наш взгляд, в данном случае преждевременно проводить прямые параллели со взрослыми парными погребениями по нескольким причинам: во-первых, у нас нет информации о половой принадлежности детей; во-вторых, в большинстве могил все дети укладывались на один бок, за спиной друг друга/взрослого; в-третьих, в случае

взрослых парных разнополых погребений умершие находились в одной возрастной категории, что, вероятно, было важно для совершения подобных захоронений [Федорук, Федорук, Папин, 2013: 274; Сотникова, 2013: 45]. Создание парных и коллективных детских погребений могло быть связано с характером смерти (инфекционные заболевания) или сезонностью совершаемых погребений [Куприянова, 2004: 82], что, с другой стороны, не исключает возможность придания данным погребениям особого символизма.

Заключение

Полученные в 2020 г. материалы андроновского комплекса демонстрируют однородность погребального обряда населения, оставившего данный памятник. Исследованные могилы продолжают цепочки ранее изученных погребений, способы погребения и позы умерших в целом стандартны. Погребальный инвентарь типичен для андроновской культуры.

В то же время исследование новых захоронений позволило более детально изучить некоторые элементы и дополнить имеющиеся сведения о погребальном обряде андроновского населения Барнаульского Приобья. Дальнейшее полевое исследование памятника остается крайне перспективным для получения целостного представления о материальной культуре и мировоззрении древнего населения. Кроме того, в настоящее время существует опасность дальнейшего разрушения памятника вследствие активного хозяйственного освоения близлежащих территорий.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках проекта «Междисциплинарное изучение древних и средневековых обществ Алтая» (FZMW-2023–0009) государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Acknowledgements and funding

The study was carried out within the framework of the project “Interdisciplinary study of ancient and medieval societies of Altai” project No. (FZMW-2023–0009) of the State Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кирюшин Ю. Ф., Лузин С. Ю. Андроновский могильник Подтурино // Культура народов Евразийских степей в древности. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1993. С. 67–94.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Позднякова О. А., Шамшин А. Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 62–85.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV) : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.

Кукушкин И. А. Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 87–98.

Куприянова Е. В. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале : материалы II региональной научно-практической конференции. Челябинск : Рифей, 2004. С. 82–84.

Михайлов Ю. И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2001. 363 с.

Папин Д. В. Проблемы радиоуглеродной хронологии андроновской культуры Алтая // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее : материалы Международной конференции, посвященной 80-летию старшего научного сотрудника ИИМК РАН, кандидата химических наук Ганны Ивановны Зайцевой. СПб., 2020. С. 63–64.

Пилипенко А. С., Папин Д. В. Перспективы применения палеогенетического анализа в рамках биоархеологического исследования населения андроновской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4 (28). С. 122–128.

Позднякова О. А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2000. Т. 3. С. 47–52.

Рудковский И. В. Системообразующие инварианты андроновской орнаментики : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2003. 21 с.

Солодовников К. Н. Антропологический состав андроновского населения Верхнего Приобья (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии : материалы XXXVII региональной археолого-этнографической студенческой конференции вузов Сибири и Дальнего Востока. Красноярск : Универс, 1997. С. 49–50.

Солодовников К. Н. Локальные различия населения андроновской (федоровской) культуры лесостепного Алтая по антропологическим данным // Роль естественно-научных методов в археологических исследованиях : материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 125-летию С. И. Руденко. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 236–243.

Сотникова С. В. О семантике парных погребений андроновской эпохи // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. 2013. № 6. С. 36–49.

Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А., Папин Д. В., Пилипенко А. С. Новые данные о генетическом составе андроновского населения юга Сибири (Верхнее Приобье и Кулунда) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2020. Т. 26. С. 671–677.

Тур С. С. Биомеханический подход к изучению физической активности скотоводов лесостепного Алтая эпохи бронзы и раннего железного века // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 110–114.

Тур С. С. Одонтологическая характеристика населения андроновской культуры Алтая // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2 (64). С. 228–236.

Тур С. С., Рыкун М. П. Население андроновской культуры Алтая по данным биоархеологического исследования // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 191–198.

Уманский А. П. Раскопки в Нижней Суетке в 1964 г. // Краеведческие записки. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 83–99.

Федорук О. А. Погребальный обряд и социальная структура андроновского населения степного и лесостепного Алтая : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 25 с.

Федорук О. А., Федорук А. С., Папин Д. В. К вопросу об особенностях парных захоронений разнополюх индивидов в андроновской культуре Верхнего Приобья (по материалам раскопок могильника Фирсово-XIV 2010–2011 гг.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края : материалы XVIII и XIX региональных научно-практических конференций. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 272–279.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 24 с.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул : Азбука 2008. 479 с.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Шамшин А. Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово-XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии Алтая. Горно-Алтайск : Изд-во Горно-Алт. гос. пед. ин-та, 1992. С. 44–45.

Шамшин А. Б. Комплексы развитой и поздней бронзы некрополя Фирсово XIV (Барнаульское Приобье) // Кадырбаевские чтения. Актобе : ПринтА, 2007. С. 78–81.

Шамшин А. Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Сохранение и изучение памятников культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. Вып. V. Ч. II. С. 75–77.

Шамшин А. Б., Цивцина О. А. Новые материалы эпохи поздней бронзы из могильника Фирсово XIV (предварительное сообщение) // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск : ОмГУ, 2000. С. 130–132.

Шамшин А. Б., Ченских О. А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово-XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. С. 52–56.

REFERENCE

Kiryushin Yu. F., Papin D. V., Pozdnyakova O. A., Shamshin A. B. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Kulundinskoi stepi v epokhu bronzy [Funeral rite of the ancient population of the Kulunda steppe in the Bronze Age] *Aridnaya zona yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy* [Arid zone of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2004. P. 62–85 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Luzin S. Yu. Andronovskij mogil'nik Podturino [Andronovo burial ground Podturino] *Kul'tura narodov Evrazijskih stepej v drevnosti* [Culture of the peoples of the Eurasian steppes in antiquity]. Barnaul: Izd-vo Alt un-ta, 1993. P. 67–94 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Papin D. V., Toor S. S., Pilipenko A. S., Fedoruk A. S., Fedoruk O. A., Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyj obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV)* [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob region (materials from excavations in 2010–2011 of the Firsovo-XIV ground burial ground)]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015, 208 p. (in Russian).

Kukushkin I. A. Mirovozzrenie i traditsii naseleniya andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti (po dannym pogrebal'noi obryadnosti) [World view and traditions of the population of the Andronovo historical and cultural community (according to the funeral rites)] *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology]. 2018, vol. 17, no. 5. P. 87–98 (in Russian).

Kupriyanova E. V. K voprosu o prichinakh detskikh kollektivnykh zakhoronenii v nekropolyakh bronzovogo veka Yuzhnogo Zaural'ya [On the question of the reasons for children's collective burials in Bronze Age necropolises of the Southern Trans-Urals] *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Materialy II Regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Ethnic interactions in the Southern Urals. Materials of the II Regional Scientific and Practical Conference]. Chelyabinsk, 2004. P. 82–84 (in Russian).

Mikhailov Yu. I. *Mirovozzrenie drevnikh obshchestv yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy* [Worldview of ancient societies of the south of Western Siberia in the Bronze Age]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001, 363 p. (in Russian).

Papin D. V. Problemy radiouglerodnoi khronologii andronovskoi kul'tury Altaya [Problems of radio-carbon chronology of the Andronovsk culture of Altay] *Radiouglerod v arkheologii i paleoekologii: proshloe, nastoyashchee, budushchee. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii, posvyashchennoi 80-letiyu starshego nauchnogo sotrudnika IIMK RAN, kandidata khimicheskikh nauk Ganny Ivanovny Zaitsevoi* [Radiocarbon in archeology and paleoecology: past, present, future. Proceedings of the international conference dedicated to the 80th anniversary of senior researcher at IHMC RAS, candidate of chemical sciences Ganna Ivanovna Zaitseva]. Saint Petersburg: 2020. P. 63–64 (in Russian).

Pozdnyakova O. A. Problema interpretatsii pogrebenii zhenshchin s golovnymi uborami (po materialam andronovskogo kompleksa mogil'nika Firsovo-XIV) [The problem of interpreting the burials of women with headdresses (based on materials from the Andronovo complex of the Firsovo-XIV burial ground)] *Nasledie drevnikh i traditsionnykh kul'tur Severnoi i Tsentral'noi Azii* [Heritage of ancient and traditional cultures of Northern and Central Asia]. Novosibirsk: Izd-vo NGU, 2000, vol. 3. P. 47–52 (in Russian).

Pilipenko A. S., Papin D. V. Perspektivy primeneniya paleogeneticheskogo analiza v ramkakh bioarkheologicheskogo issledovaniya naseleniya andronovskoi kul'tury [Prospects for the application of paleogenetic analysis within the bioarcheological study of the population of the Andronovo culture] *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy*. [Theory and practice of archaeological research]. 2019, no. 4 (28). P. 122–128 (in Russian).

Rudkovskii I. V. *Sistemoobrazuyushchie invarianty andronovskoi ornamentiki. Avtoref. dis. kand. ist. nauk.* [System-forming invariants of Andronovo ornamentation. Ph.D. Thesis in History]. Omsk, 2003. 21 p. (in Russian).

Solodovnikov K. N. *Antropologicheskii sostav andronovskogo naseleniya Verkhnego Priob'ya (po materialam mogil'nika Firsovo XIV)* [Anthropological composition of the Andronovo population of the Upper Ob region (based on materials from the Firsovo XIV burial ground)] *275 let sibirskoi arkheologii. Materialy XXXVII Regional'noi arkheologo-etnograficheskoi studencheskoi konferentsii vuzov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [275 years of Siberian archeology. Materials of the XXXVII Regional Archaeological and Ethnographic Student Conference of Universities of Siberia and the Far East]. Krasnoyarsk: Univer, 1997. P. 49–50 (in Russian).

Solodovnikov K. N. *Lokal'nye razlichiya naseleniya andronovskoi (fedorovskoi) kul'tury lesostepnogo Altaya po antropologicheskim dannym* [Local differences in the population of the Andronovo (Fedorovskaya) culture of the forest-steppe Altai according to anthropological data] *Rol' estestvenno-nauchnykh metodov v arkheologicheskikh issledovaniyakh. materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 125-letiyu S.I. Rudenko* [The role of natural scientific methods in archaeological research. materials of the All-Russian scientific conference dedicated to the 125th anniversary of S. I. Rudenko]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2009. P. 236–243 (in Russian).

Sotnikova S. V. *O semantike parnykh pogrebenii andronovskoi epokhi* [On the semantics of paired burials of the Andronovo era] *Mirovozzrenie naseleniya Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of Southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. 2013, no. 6. P. 36–49 (in Russian).

Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Papin D. V., Pilipenko A. S. *Novye dannye o geneticheskom sostave andronovskogo naseleniya yuga Sibiri (Verkhnee Priob'e i Kulunda)* [New data on the genetic composition of the Andronovo populations from southern siberia (the Upper Ob region and Kulunda steppe)] *Problemy arkheologii, jetnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2020, vol. 26. P. 671–677 (in Russian).

Toor S. S. *Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya andronovskoi kul'tury Altaya* [odontological analysis of population in a period of Andronovo archaeological culture in Altai] *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2009, no. 4–2 (64). P. 228–236 (in Russian).

Toor S. S. *Biomekhanicheskii podkhod k izucheniyu fizicheskoi aktivnosti skotovodov lesostepnogo Altaya epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka* [Biomechanical approach to the study of physical activity of pastoralists of the forest-steppe Altai of the Bronze and Early Iron Age]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern solutions to current problems of Eurasian archeology. Barnaul]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2013. P. 110–114 (in Russian).

Toor S. S., Rykun M. P. *Naselenie andronovskoi kul'tury Altaya po dannym bioarkheologicheskogo issledovaniya* [Andronovo culture people from Altay: bioarchaeological research]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya of Altai State University]. 2008, no. 4–2 (60). P. 191–198 (in Russian).

Umanskii A. P. Raskopki v Nizhnei Suetke v 1964 g. [Excavations in Nizhnyaya Suetka in 1964] *Kraevedcheskie zapiski* [Local history notes]. Barnaul, 1999, vol. no. 3. P. 83–99 (in Russian).

Fedoruk O. A. *Pogrebal'nyi obryad i sotsial'naya struktura andronovskogo naseleniya stepnogo i lesostepnogo Altaya*. Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Funeral ritual and social structure of the Andronovo population of the steppe and forest-steppe Altai. Ph.D. Thesis in History]. Barnaul, 2013, 25 p. (in Russian).

Fedoruk O. A., Fedoruk A. S., Papin D. V. K voprosu ob osobennostyakh parnykh zakhoroneni raznopolykh individov v andronovskoi kul'ture Verkhnego Priob'ya (po materialam raskopok mogil'nika Firsovo-XIV 2010–2011 gg.) [On the question of the peculiarities of paired burials of opposite-sex individuals in the Andronovo culture of the Upper Ob region (based on materials from excavations of the Firsovo-XIV burial ground in 2010–2011)] *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya: materialy XVIII i XIX regional'nykh nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2013. P. 272–279 (in Russian).

Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. — II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)*. Avtoref. Dis. kand. ist. Nauk [Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century. BC–II century AD (according to ground burial grounds). Ph.D. Thesis in History]. Barnaul, 2004, 24 p. (in Russian).

Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. — II v. n.e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funeral rite of the population of the Barnaul Ob region in the 6th century. BC–II century AD (according to ground burial grounds)] Barnaul: Azbuka, 2008, 479 p. (in Russian).

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Mogil'niki rannego zheleznogo veka Firsovskogo arkhelogicheskogo mikroraiona (Firsovo III, XI, XIV) [Early Iron Age burial grounds of the Firsovsky archaeological microdistrict (Firsovo III, XI, XIV)] *Itogi izucheniya skifskoi epokhi Altaya i sopredel'nykh territorii* [Results of the study of the Scythian era of Altai and adjacent territories]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1999. P. 219–226 (in Russian).

Shamshin A. B. Bogatoe andronovskoe pogrebenie iz mogil'nika Firsovo-XIV [Rich Andronovo burial from the Firsovo-XIV burial ground] *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkhologii Altaya* [Problems of preservation, use and study of Altai archeological monuments]. Gorno-Altaysk: Izd-vo. Gorno-Alt. gos. ped. in-ta, 1992. P. 44–45 (in Russian).

Shamshin A. B. Pamyatniki bronzovogo veka Firsovskogo arkhelogicheskogo mikroraiona (lesostepnoe Altaiskoe Priob'e) [Shamshin A. B. Monuments of the Bronze Age of the Firsovsky archaeological microdistrict (forest-steppe Altai Ob region)] *Sokhranenie i izuchenie pamyatnikov kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of cultural heritage monuments of the Altai Territory]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1995, pt. II, iss. 5. P. 75–77 (in Russian).

Shamshin A. B. Kompleksy razvitoi i pozdnei bronzy nekropolya Firsovo XIV (Barnaul'skoe Priob'e) [Complexes of the developed and late bronze necropolis of Firsovo XIV (Barnaul Ob region)] *Kadyrbaevskie chteniya* [Kadyrbaev readings]. Aktobe: PrintA, 2007. P. 78–81 (in Russian).

Shamshin A. B., Tsvitsina O. A. Novye materialy epokhi pozdnei bronzy iz mogil'nika Firsovo XIV (predvaritel'noe soobshchenie) [New materials of the Late Bronze Age from the Firsovo XIV burial ground (preliminary message)] *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati Mikhaila Petrovicha Gryaznova* [Fifth historical readings in memory of Mikhail Petrovich Gryaznov]. Omsk: OmGU 2000. P. 130–132 (in Russian).

Shamshin A. B., Chenskikh O. A. K voprosu o sotsial'noi differentsiatsii anronovskogo obshchestva lesostepnogo Altaya (po materialam mogil'nika Firsovo-XIV) [On the issue of social differentiation of the Anronovo society of the forest-steppe Altai (based on materials from the Firsovo-XIV burial ground)] *Sotsial'no-ekonomicheskie struktury drevnikh obshchestv Zapadnoi Sibiri*. [Socio-economic structures of ancient societies of Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 1997. P. 52–56 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 10.09.2024

Принята к публикации: 06.02.2025

Дата публикации: 31.03.2025